

**ПУШКИНСКИЕ
МОТИВЫ**

Эсфирь Коблер

Эсфирь Коблер

Пушкинские мотивы

«Издательские решения»

Коблер Э.

Пушкинские мотивы / Э. Коблер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934635-3

Александр Сергеевич Пушкин так много сделал для русской литературы и так предвидел предстоящие события, что поневоле всегда обращаемся с нему, хотим мы того или не хотим.

ISBN 978-5-44-934635-3

© Коблер Э.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Пугачёв	7
Петруша Гринёв	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пушкинские мотивы

Эсфирь Коблер

Редактор Наталья Коноплева

Дизайнер обложки Наталья Коноплева

© Эсфирь Коблер, 2018

© Наталья Коноплева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4635-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

«Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения или оправданием и ответом на критики».

Этими словами Лермонтова из «Героя нашего времени» хочется начать мне свое предисловие. Продолжим отсюда же.

«Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана».

Всё сказанное актуально и сейчас. Уважаемой публике предлагается модный (или уже не модный) сейчас проект – ремейк, в данном случае ремейк повести Пушкина «Капитанская дочка»: «Петруша Гринёв».

Оговоримся сразу – подражать неповторимому стилю Пушкина невозможно. Сам Лев Толстой, как известно, признал поражение в подобной попытке. Не претендую и на психологическую утонченность пушкинской повести, а, тем более, на историческую глубину и мощь. Нет. Это только попытка написать ремейк в хрестоматийном его понимании. Уж очень силён соблазн исторических параллелей.

Для сравнения предлагаю читателям свой оригинальный рассказ на ту же тему- «Пугачев». Хотя сама тема рассказа взята из «Истории Пугачёвского бунта» Пушкина.

Э.К.

Пугачёв

На всем скаку остановив коня перед горящей церковью, соскочил на землю коренастый чернобровый и чернобородый мужик. Вокруг него полыхал пожар – это горели деревянные укрепления крепости.

– Вот и Татищева взята, – довольно подумал Пугачёв, и побежал к тому месту, где Зарубин, или, как его звали пугачёвцы, – граф Чернышов, – возился с начальником гарнизона, Биловым и Елагиным, комендантом крепости. Пока Пугачев подошел к ним, Билов уже был без головы, огромная лужа крови растекалась по земле. Увидев Пугачева, Зарубин остановился перед Елагиным.

– Что с ним делать? – спросил он, хрипло смеясь.

Пугачёв подумал – он не хотел разочаровывать казаков: «Сдери с него шкуру, – пусть знает, как стрелять в законного царя». И, оглядев еще раз полыхающую крепость, Пугачёв пошел посмотреть дом коменданта. Заведено было комендантские дома не жечь, а оставлять их для Пугачева. В сенях Пугачёв услышал шум и возню. Он заглянул в комнату, – там Шигаев развлекался с бабой.

– Фу, ты! – сплюнул Пугачев и вышел на улицу. Через минуту выскочил Шигаев.

– Это комендантова дочка, капитана Харлова баба, – пояснил он, возбужденно бегая глазами.

– А ... – протянул Пугачёв. Он вспомнил, как капитан Харлов стоял перед ним с вытекшим глазом и просил, чтобы его скорее убили.

– Я её вмиг разделаю – на кол посажу, – захохотал Шигаев.

– погоди, – зевнул Пугачев, – ты её ко мне приведи.

Он постоял еще немного, посмотрел на пожар, потом развернулся и прошел в горницу. Только он поудобнее растянулся на кровати, как прибежал есаул.

– Что с офицерами делать?

– Повесить, – сказал он, засыпая. Потом услышал голос Шигаева:

– А я бабу привел!

– Давай ее сюда, – сказал Пугачёв, а сам за дверьми постой.

Он приоткрыл глаза, смутно разглядел невысокую женщину и, разорвав ей донизу платье, силой уложил на кровать.

Проснулся он внезапно. Два огромных, расширенных от ужаса глаза, смотрели на него. Женщина шевелила губами, но не говорила.

– А, – вспомнил Пугачёв, – ты дочь Елагина. Он внимательно посмотрел на нее. Бледная, без кровинки в лице, была она все же хороша.

– Жалко тебя, – подумал он вслух. Быстро встал и вышел. У дверей стоял Шигаев. Пугачёв посмотрел на него, подумал, потом сказал:

– Ты бабу эту... мне оставь.

За крепостью трепетала ярким золотом березовая роща. Сентябрь заканчивался, но день был солнечный и теплый, поэтому почти вся крепость сгорела. Пугачёв велел казакам занять оставшиеся избы и два дня дал на отдых.

29 сентября он повел свое войско на Чернореченскую. Крепость сдалась без боя. А еще через два дня Пугачев направился к Оренбургу. Харлова ехала в обозе.

Когда на вторую ночь сделали короткий привал, Пугачёв велел привести ее к себе. Всю ночь ходил Шигаев у его кибитки и терпеливо ждал – вот выйдет Пугачёв и кивнет головой, а он, Шигаев, выпустит бабе потроха, очень уж она ему досадила. Но то ли уснул Емельян, то ли Харлова пришло к нему по вкусу, но никто из кибитки не выходил.

– погоди же ты, – прохрипел Шигаев. Он пошел жаловаться Зарубину.

– Много власти каторжник себе забирает, – горячился Шигаев.

– Он у меня батраком был, этот царь, – хмурился Зарубин. Но ты не кипятись, мы его приберем к рукам.

Уже пятого октября стоял лагерь Пугачёва под Оренбургом.

Узнав об этом, генерал-губернатор Рейнсдорф созвал совет. Все присутствующие высказались против выступления, так как не надеялись на свои войска. Вывод был единогласный – сидеть в крепости и ждать подкрепления.

Лишь действительный статский советник Старов-Милюков хотел сражения с пугачёвцами, ибо считал позором боязнь выступить против бунтовщика.

Рейнсдорф решил переждать. Он послал в лагерь Пугачёва известного в этих местах разбойника Хлопушу с увещательным манифестом, пообещав тому по возвращении освободить его от каторги.

Так в лагере Пугачёва появился человек со злыми глазами. Нижнюю часть лица он прикрывал рукавом. Он кричал сиплым голосом, что у него важные бумаги к царю.

Его привели к Пугачёву. Когда он опустил руку, даже издавшие виды казаки отпрянули. Ноздри у него были вырваны и на этом изуродованном лице бешено горели черные злые глаза. Хлопуша вручил все бумаги Рейнсдорфа самому Пугачёву и хохотал при этом до слез.

– Вот я и исполнил поручение губернатора! – кричал он.

Пугачёв смеялся вместе с ним. Он наградил Хлопушу и оставил его при себе, дав звание полковника.

Вечером праздновали появление нового полковника. Во главе стола сидел Пугачёв. По правую руку – Зарубин, Овчинников, Шигаев, по левую – Лысов, Чумаков, Хлопуша, которого приняли как равного, ввиду его старой славы. Было весело и пьяно. Зарубин, фельдмаршал Пугачёва, часто поднимал свой стакан.

– Выпьем, – кричал он и прибавлял крепкое ругательство, смеясь при этом густым басом. Хлопуша от него не отставал. Он все время зыркал глазами на Харлову, видно было, что она ему нравится.

– Твоя? – спросил он Пугачева.

– Моя.

– Хороша!

И действительно: Харлова, видно где-то в глубине души, совсем немного, но почувствовала себя хозяйкой стола. Хотя лицо ее было бледно и печально, но несколько оживлено. Красил ее и деревенский сарафан, впервые надетый ею.

Шигаев видимо понял, о чем говорил Хлопуша с Пугачёвым.

– Это я ее царю одолжил на подстилку! – крикнул он злобно.

Стало тихо.

Пугачёв поднялся. Вообще он был роста небольшого, но теперь казался огромным.

– Одолжил, значит, царю говоришь, – сказал он медленно. Я эту подстилку тебе помятой должен вернуть? А?

Шигаев молчал.

– Так, так, – продолжал Пугачёв. Я для вас ... – посмотрел он вокруг, – царь без царства ...

– Ну, будет, будет, – потянул его за руку Зарубин, – из-за бабы с генералами ругаться не стыдно?

– Кабы из-за бабы! Вы же мне житья не даете. Прямо под конвоем водите. – Пугачёв стал пить, наливая себе стакан за стаканом. Потом подозвал Хлопушу.

– Отведи меня, – зашептал Пугачёв, – я тут тебе одному доверяю, потому что ты новый. Ведь они, – говорил Пугачев дорогой, – все царями стать хотят, говорят, Москву возьмем... ну и пусть, а я не хочу... я в монастырь пойду.

Когда добрели они под дождем до кибитки, Пугачёв опустил на меха и прохрипел:

– Пришли её.

Харлова пришла.

– Не тебя мне жаль, а себя, – и махнул рукой. – Ты ко мне всегда приходи, ты на них не смотри.

Через час Пугачёв отослал Харлову и снова позвал Хлопушу.

– Ну, полковник, докажи верность своему государю, пора.

И под Оренбургом занялось зарево – это горело сено, заготовленное на зиму. Через несколько дней отбили и табун лошадей, истощавших без сена. С гиканьем и свистом гнали их татары, навеселе.

Неожиданно пришел холод. Пугачёв пришел в Бердскую слободу. Поставил там свою, шитую золотом, кибитку.

– Гляди, – шептали крестьяне, идя к присяге, – у нового царя золотая хата. Топор и шар бояре держат.

– А чего татар много, девок портят, без них он и не царь, выходит. Вишь сам какой скуластый.

Пугачёв, сощурившись, смотрел на народ, слушал колокольный звон. Иногда, выпрямившись, заглядывал на степь за избами. Грустно было у него на душе.

– Хватит, – сказал Пугачёв, на коней пора и перекрестился двумя перстами.

Крестьяне молча переглянулись.

– Раскольник! звенели колокола, – раскольник!

Казачи уже ждали Пугачева. Несколько сот поскакало к Оренбургу.

Смельчаки подъезжали к оренбургским окраинам, гарцевали на лошадях и кричали во всю глотку, чтобы казаки из гарнизона переходили к ним.

Пугачёв разъезжал среди солдат. Вдруг он пустил лошадь вскачь, и, резко осадив ее, встал впереди всех. Тотчас из ворот гарнизона выехали три казака и поскакали к нему. Едва пугачёвцы успели окружить атамана и увести его. Казаков зарубили на ходу. Из города ударила пушка. Завязалась перестрелка, каких было уже немало.

Оренбург голодал, но стоял крепко. Пугачев надолго застрял в Бердской слободе. Она стала его резиденцией. Пугачёвцы звали слободу то Петербургом, то Москвой.

Нередко потешались они и над своим царем. Когда оставался Пугачёв среди яицких казаков, Зарубин смотрел на него свысока и Пугачёв помалкивал при нем. Шигаев затаил злобу за Харлову, а Овчинников и Лысов, напиваясь, лезли целоваться и плакали у него на груди о своих пропавших головах.

Пугачёву нестерпимо было это. Все чаще думал он, что взяв Москву, уйдет в монастырь – замаливать грехи, правитель из него не выйдет. Один только раз проговорился Пугачёв. Он был пьян – пировал на казачьей свадьбе. Шатаясь, вращая расширенными глазами, подошел он к отцу жениха – Дмитрию Пьянову, и, обняв его, страшно так прошептал: «Тесна моя улица» – и всё. Но уже через минуту знали об этом все яицкие. Зарубин вывел главарей на улицу и, глядя на сверкающие в морозе звезды, спросил:

– Ну?

Все молчали.

– Простить его надо, – осторожно начал Шигаев.

– Ну?

– Пусть мне Харлову отдаст, а то мы ему покажем...

– Отдаст, – процедил Зарубин и сплюнул. В темноте нельзя было разглядеть лица, но те, кто знал Зарубина, содрогнулись.

Наутро они пришли к Пугачёву. Только открыв глаза после тяжелого пьяного сна, Пугачёв увидел перед собой Шигаева. Острая его борода нахально торчала вперед, маленькие серые

глазки бегали по стене. За ним возвышался Зарубин, а чуть подальше стояли Овчинников, Лысов и Чумаков.

– Чего? – спросил Пугачев, и сел на мехах, уставившись на ноги.

– Мы, – начал Шигаев, – это, гм... давай мне Харлову.

– Зачем? – не понял Пугачев, ведь ты её... но посмотрев внимательно на казаков, он понял, что спорить бесполезно и небезопасно. Будет так, как они хотят. Он вздохнул, покачал головой и, наконец, выдавил:

– Твоя, бери.

Шигаев не ожидал, что так быстро достанется победа. Он помялся на месте, повздыхал, затем круто повернулся и вышел. Пошел прямо к обозу, к телеге, где была Харлова. И потащил её к себе. Долго он издевался над ней. Потом повел по лагерю. Не было кибитки, куда бы он не затолкнул её. В лохмотьях, почти без чувств, привел он Харлову к оврагу, где убивали пленных, и ушел, велев казакам убить ее.

Только к вечеру вышел Пугачёв из своей кибитки. Солнце заходило. Снег на равнине полыхал под закатом. В морозной безбрежности Пугачёв почувствовал такое одиночество, что захотелось выть.

Погасла заря над степью. Закружилась поземка.

Петруша Гринёв

Береги честь смолоду
(пословица)

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил военным хирургом. Мотался по гарнизонам и госпиталям. Оттрубив двадцать лет, вышел он в отставку и поселился в большом поселке Селты недалеко от Ижевска. Стал там главным врачом и ведущим хирургом местной больницы, а поскольку руки у него были золотые, ехали к нему со всей России, зная, что и без денег сделают тебе нужную операцию, да так, что и в Европе не каждый сможет со всей их техникой.

Было мне тогда лет пять. Селты стали мне настоящей Родиной, потому что все предыдущие переезды я почти не помнил. Зато теперь бегал я по огородам, полям и перелескам. Обьедался ягодами, пил парное молоко, дрался и дружил с местными мальчишками. Мать моя немного подрабатывала в школьной библиотеке, но уже часам к 12 всегда была дома и вела наше обширное хозяйство. Я помогал ей; с возрастом, правда, основные тяжести – чего перенести, отнести – взял я на себя полностью.

В детстве приобрел я и верного друга – Савку Савельева, который всегда сопровождал меня, безропотно подчинялся моим прихотям и выдумкам, дрался с моими недругами, восхищался моими знаниями сам он был немного тугодум. А я учился легко, все схватывал на лету, но особенно учебной себя не затруднял. Главное, я перечитал все книги, которые были в нашей немалой домашней библиотеке, потом взялся за школьную, а потом за районную. Поэтому сочинения писал бойко, помогая и Савке. А когда прошли мы «Капитанскую дочку», весь поселок стал звать его Савельичем, к тому же меня зовут Петр Гринев, что и веселило всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.